

«НАПОЛОВИНУ РОДНЫЕ»? ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ РОДСТВА И СЕМЬИ В ГАЗЕТНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ О ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ

Ольга Ткач

В данной статье анализируются дискурсивно формирующиеся концепции родства/родительства, связанные с применением вспомогательных репродуктивных технологий, и способы нормализации этих концепций; выясняется, возникает ли в медиадискурсе новая модель семьи, основанная на «вспомогательных» родственных связях. Дискурс-анализ публикаций двух российских газет показал множественность концепций отцовства и материнства, формирующихся в результате использования донорства и других биотехнологий. Показано, как при помощи дискурсивных стратегий минимизируется роль доноров и суррогатных матерей в системе родства, как выбираются модусы родительства (биогенетическое или законодательно закрепленное), которые связывают новорожденного ребенка с социальными родителями. Автор полагает, что биомедицина в России пока не является полем общественно и законодательно признаваемой диверсификации семейных ролей и родственных связей, напротив усиливает статус нормативной концепции нуклеарной семьи с детьми.

Ключевые слова: вспомогательные репродуктивные технологии, родство, родительство, семья, дискурс-анализ печатных СМИ

"HALF-RELATED"? PROBLEMATISATION OF KINSHIP AND FAMILY IN PRINT MEDIA DISCUSSING ASSISTED REPRODUCTIVE TECHNOLOGIES

Olga Tkach

This article analyses concepts of kinship/parenthood resulted from the application of assisted reproductive technologies and ways of their normalization. It also attempts to discover a new model of family based on "assisted" kinship and represented in media-discourse. Discourse analysis of articles in two national newspapers revealed multiplicity of concepts of motherhood and fatherhood formed as a result of using various kinds of donorship and other biotechnologies. The article demonstrates how the role of donors and surrogates in kinship system is eliminated by the means of discursive strategies. Those modes of parenthood (biogenetic or legal) are flexibly picked up that relate a newborn child to social parents. The author points out that Russian biomedicine has not yet become an area of publicly and legally acknowledged diversification of family roles and kinship ties. Oppositely, it upgrades a status of normative concept of nuclear family with kids.

Keywords: auxiliary reproductive technologies, relationship, family, a discourse-analysis of printed mass-media

«И родит царица в ночь не то клона, не то дочь», – так в мае 2003 года была озаглавлена одна из статей «Российской газеты», в которой рассказывалось о случае суррогатного материнства. Автор этого иронического парафраза в замешательстве: что за существо появилось на свет и чей это ребенок? Ведь в обыденной жизни родство является одним из базовых отношений, оно, как правило, само собой разумеется и не создается намеренно. Однако ситуация может меняться, когда еще на этапе зачатия в сферу деторождения вмешивается медицина, предлагая лечение и вспомогательные операции пациентам, которые по медицинским показаниям не могут иметь детей, но хотят стать родителями. Вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ) предоставляют биотехнологическую поддержку процесса зачатия посредством внутриматочной искусственной инсеминации спермы (ИИ), экстракорпорального оплодотворения (ЭКО¹), интрацитоплазматического введения сперматозоида (ИКСИ²), в том числе с использованием донорского генетического материала (гамет³ и эмбрионов), а также включают программу суррогатного материнства.

Возможности для «создания» ребенка в лабораторных условиях из клеток людей, не знакомых друг с другом, не связанных семейным союзом, не имеющих близких отношений, или, напротив, находящихся в кровном родстве, создают новые страхи и неопределенности. Неочевидные социальные последствия репродуктивных технологий «бросают вызов самым глубинным идеям и ценностям, связанным с родством» [Stone, 2000. Р. 278]. Является ли анонимный донор спермы отцом или всего лишь производителем генетического материала? А когда суррогатная мать рождает ребенка, она продолжает оставаться его матерью? В российском контексте поиск ответов на эти и другие вопросы ведется в разных публичных пространствах: в медицине, законотворчестве, на форумах пользователей ВРТ [Бредникова, Нартова, 2007], в кинематографе, а также СМИ.

Материалом для данного исследования⁴ послужили публикации в федеральных и региональных выпусках «Российской газеты» (РГ)

¹ В российском контексте также часто используется термин «ин витро» – от англ. In Vitro Fertilisation (IVF).

² От англ. Intra Cytoplasmic Sperm Injection.

³ Гаметы – половые клетки, подразделяются на мужские (сперматозоиды) и женские (яйцеклетки или ооциты).

⁴ Работа проводилась в рамках коллективного российско-швейцарского проекта “New Reproductive Technologies and the Making of Bodies, Persons, and Families in Russia and Switzerland” (2006–2008), при финансировании Швейцарского национального научного фонда (SNSF), программа научного сотрудничества между Восточной Европой и Швейцарией (SCOPE). Проект осуществлялся в сотрудничестве исследователей Факультета социальной и культурной антропологии Университета Цюриха и Центра независимых социологических исследований (ЦНСИ).

и «Аргументов и фактов» (АиФ), посвященные проблемам применения репродуктивных технологий. В основную выборку вошли 70 статей, опубликованных с 1996 по 2006 год, дополнение составили около 20 статей РГ за 2007–2010 годы. Наиболее распространенным жанром публикаций о ВРТ является интервью с экспертами в различных областях: практикующими и учеными медиками (опытными генетиками, эмбриологами, репродуктологами), психологами, юристами, реже представителями церкви. Эксперты выступают посредниками, которые интерпретируют и объясняют подробности применения ВРТ, тем самым «нормализуют и одомашнивают (эти) процедуры» [Thompson, 2005. Р. 141]. Таким образом, задача медиатекстов о ВРТ заключается не только в том, чтобы привлечь внимание широкой аудитории к «необычному» явлению, но и попытаться на основании экспертного знания объяснить социальные эффекты медико-генетических процедур, в частности возникновение новых типов родства и связанных с ними проблем. Для большей наглядности в интервью, как правило, всегда делаются отсылки к историям «обычных людей», сталкивающихся с проблемами легитимации родства, созданного ВРТ, с момента обращения в клинику до получения свидетельства о рождении после родов.

Задача данной статьи – проанализировать дискурсивные концепции родства/родительства, формирующиеся на разных этапах прохождения программ ВРТ, и способы нормализации этих концепций; а также выяснить, возникает ли в медиадискурсе новая модель семьи, основанная на «вспомогательных» родственных связях¹. Структура статьи представлена следующим образом. В первом разделе рассмотрены теоретические подходы к изучению родства в современных социальных исследованиях репродуктивной медицины. Во втором разделе обозначены метод и концепция анализа эмпирического материала. Далее представлены основные результаты исследования, а именно: проанализированы дискурсивные стратегии, с помощью которых на разных этапах применения биотехнологий и в рамках различных вспомогательных репродуктивных программ конструируются нормативные концепции родительства и семьи.

Родство/родительство и ВРТ в социальных исследованиях

За последние двадцать лет в Западной Европе и США опубликовано большое количество литературы, посвященной влиянию вспомогательных репродуктивных технологий на концепции, отношения и практики в сфере родительства и родства в различных социальных и исторических контекстах [Cussins, 1998; Franklin, 1999; New Directions... 2001; Ragoné,

¹ Я благодарю анонимного рецензента ЖИСП за ценные замечания.

1996, 2004; Stone, 2000; Strathern, 1992, 1995; Carsten, 2004; Thompson, 2005]. Большинство из этих исследований опираются на идеи американского антрополога Дэвида Шнайдера, который выступил с критикой структурно-функционалистской перспективы в исследованиях родства. Он перешел к анализу символов и культурных значений семьи и родственных отношений, а также множественности связанных с ними практик, которые не вписываются в заранее заданные правила [см.: Schneider, 1968, 1972, 1984]. Примерно в той же логике выстраивается конструктивистский взгляд на родство и семью. Он предполагает процессуальность и ситуативность этих феноменов, их создание в результате переговоров различных участников, отсутствие жесткой предзаданности практик и смыслов, определяющих родственные и семейные союзы и отношения [см., например: Giddens, 1992; Бауман, 2002; Бек, 2000].

Антропологи утверждают, что в феномене родства объединены два измерения, две сферы, а именно: «порядок природы», репрезентированный генетическим и биологическим родством, и «порядок закона», определяющий юридическое/социальное родство [Schneider, 1972. P. 26; Strathern, 1992. P. 17]. Оба этих порядка по-разному сосуществуют друг с другом, имеют разные статусы, подчиняются разным правилам формирования и воспроизводства в зависимости от социального контекста. Излюбленный предмет изучения антропологов перекочевал и в сферу исследований репродуктивной медицины, посредством которой «создаются не только новые люди, но и новые отношения» [Franklin, 1999. P. 162], «нераспознаваемые» и «непривычные» [Technologies... 1999]. Вспомогательные репродуктивные технологии определенным образом трансформируют и природный, и социальный порядки родства, привносят неоднозначность в их определение, дробят их и создают конфликт между ними.

Пытаясь дать аналитическое определение модели родства, создаваемого при участии биомедицины, Мэрилин Стратерн предлагает концепцию дисперсного родства, которое включает тех, кто хочет иметь ребенка – супружескую пару или индивида – и тех, кто помогает им/ей/ему в этом – медиков, доноров и суррогатных матерей [Strathern, 1995. P. 346–363]. В этой сети «родства» особый интерес исследователей вызывает «новое» родительство – материнство и отцовство, – которые фрагментируются из-за вовлечения «помощников» в процесс прокреации, или деторождения, и требуют осмысления.

Вспомогательная репродукция привносит в привычный повседневный язык различие как минимум между социальным и биологическим родительством [Strathern, 1992. P. 19]. Роберт Сноуден с коллегами предлагает еще более дробную номенклатуру родительства, созданного ВРТ, куда входит, например, «генетическая мать», «вынашивающая мать», «кормящая мать», «обобщенная мать» (выполняющая материнские функции на стадиях зачатия, вынашивания, рождения ребенка и заботы о нем),

«генетический отец» и «обобщенный отец» и так далее [Snowden et al., 1983, цит. по: Stone, 2000. P. 292]. Исследователи отмечают, что феномен суррогатного материнства знаменует собой переворот в понимании материнства как такового. До появления репродуктивных технологий оно понималось как некий унифицированный опыт, комбинирующий социальные и биологические аспекты, в отличие от отцовства, для которого более привычна двойственная идентичность. Суррогатное материнство «отделяет материнство от беременности» [Ragoné, 2000. P. 343] и тем самым фрагментирует его [Ibid. P. 111]. Элен Рагоне выделяет три социальных категории, возникших с появлением феномена суррогатного материнства: биологическая мать, которая является донором яйцеклетки; гестационная мать, которая беременеет и вынашивает плод, не имея с ним генетического родства; социальная мать, которая выкармливает и растит ребенка [Ibid. P. 343]. По сути, это последовательные этапы материнства, на каждом из которых возможно присутствие «помощников».

Итак, современные социальные исследования показывают, что репродуктивные технологии актуализируют множественность концепций родства/родительства, процессуальность и непредсказуемость их создания, а также потенциальное включение в круг родственников различных участников процесса искусственной прокреации. Нас, однако, интересует не столько аналитическое номинирование новых категорий родства и их закрепление в языке, сколько их дискурсивная легитимация и способы этой легитимации.

Метод и концепция анализа

Отобранные газетные публикации анализировались с применением метода критического дискурс-анализа. Особенностью данного подхода к анализу дискурса является представление о том, что тексты одновременно и продуцируются (создаются), и потребляются (воспринимаются и интерпретируются). Таким образом, дискурс вносит свой вклад в созидание социального мира, включая социальные идентичности, социальные отношения, системы знаний и значений [см.: Филипс, Йоргенсен, 2004. С. 108–147]. Единицей анализа являлась газетная статья или заметка, в которой обсуждаются проблемы определения материнства/отцовства/родства. В процессе исследования в каждом нарративе выделялось три последовательных этапа/сюжета взаимодействия пациентов с репродуктивной медициной: выбор программы, проведение необходимых процедур, рождение ребенка и его/ее регистрация в соответствии с законодательством.

Каждый сюжет анализировался следующим образом. Во-первых, реконструировался дискурсивный репертуар, формирующий дискурсивное поле ВРТ, в котором содержится конфигурация медицинского,

этического, юридического, рыночного, семейно-родственного и других дискурсов. Во-вторых, из отмеченных дискурсов выбирались те, которые наиболее распространены в исследуемом материале. В-третьих, анализировалось, какие категории и акторы чаще встречаются в статьях вместе или раздельно (например, «социальный»/«генетический», «родной»/«чужой», «услуга»/«помощь»); а также что и каким образом они создают и репрезентируют в повествовании. В-четвертых, в текстах выделялись темы, которые либо проблематизируются, либо умалчиваются, создавая напряжение в повествовании. В-пятых, проводился анализ интертекстуальности, то есть взаимодействия и пересечения различных дискурсивных репертуаров, перекодирование и перенос значений и смыслов из контекста в контекст: из этической сферы в медицинскую, из семейной – в рыночную.

Интертекстуальность, перенос категорий, умолчания и проблематизации рассматриваются как дискурсивные дисциплинирующие стратегии или стратегии нормализации «вспомогательного» родства в изучаемых публикациях. Фуко писал, что развитие медицины, общая медиализация образов действий, моральных принципов, дискурсов, желаний происходит в точке пересечения двух уровней власти: дисциплины (нормы) и официальных нормативов [Foucault, 1980. P. 107]. Нормализация феномена достигается посредством легитимации (референции к норме) и легализации (встраивания в нормативные акты). Основываясь на подходе Фуко, британский социолог Карис Томпсон изучает стратегии нормализации ВРТ в нарративах пациентов и докторов репродуктивных клиник [см.: Thompson, 2005]. В общем виде под нормализацией она понимает «средства, с помощью которых «новая информация» <...> инкорпорируется в ранее существующие процедуры и объекты» [Ibid. P. 80]. Томпсон выделяет несколько составляющих нормализации, такие как натурализация и рутинизация. Натурализация предполагает те средства, с помощью которых факты, созданные биомедициной, начинают восприниматься как непроблематичные или самоочевидные, то есть естественные, натуральные. Рутинизация как средство нормализации означает опривычивание, стабилизацию, фиксацию в повседневности определенных практик и понятий [Ibid. P. 80–81].

В данной статье анализируются не практические, а дискурсивные стратегии нормализации родственных связей, порожденных применением ВРТ. Анализ публикаций показал, что темы родства и родительства в наибольшей степени актуализируются в случаях использования донорских программ (спермы и ооцитов) и суррогатного материнства, а также в процессе законодательного закрепления родства, созданного в результате применения этих процедур. Нас будут интересовать разного рода обоснования, благодаря которым родство, созданное с помощью биомедицины, публично признается приемлемым, непроблематичным и законным на каждом из этих этапов. Начнем с обращения пациентов в клинику.

Обращение к услугам репродуктивной медицины: супружеская пара как «обобщенный» пациент

Как правило, находясь в состоянии фрустрации после безуспешных попыток зачать ребенка самостоятельно, бездетная пара прибегает к помощи ВРТ как «обобщенный пациент». Процедура усыновления после недолгих колебаний отвергается: будущие родители не теряют надежду на рождение «родного» ребенка. Применение ВРТ репрезентируется российскими газетами как осознанный выбор гетеросексуальной брачной пары репродуктивного возраста, в которой один или оба супруга имеют серьезные проблемы с фертильностью. Тем самым биомедицина легитимируется как исключительная возможность гетеросексуальной бездетной семьи. Вне зависимости от персонального медицинского заключения, в прессе диагноз «бесплодие» ставится всей семье (брачной паре): *«каждая четвертая супружеская пара в России не может иметь детей "нормальным способом"»* (АиФ (Москва). 13.04.2005); *«примерно каждая пятая петербургская семья бесплодна»* (РГ. 23.01.2009). Супружеская пара обозначается как «единое целое», спаянный организм, несмотря на то, что большинство вспомогательных репродуктивных процедур манипулирует преимущественно женским телом. Однако данная тема не проговаривается, поскольку тело женщины «принадлежит» семье, нацеленной на рождение ребенка.

Прокреационные возможности репродуктивных технологий выносятся на повестку дня тему сознательного, а не спонтанного родительства [Русанова, Исупова, 2009]. Нормализация ВРТ в общественном дискурсе осуществляется через описания социально ответственных супружеских пар, готовых решать проблему бездетности любой ценой, способных пройти *«долгий путь к родительству»* (РГ (Башкортостан). 25.09.2008), *«вступить в борьбу за долгожданного первенца»* (РГ (Москва). 22.02.2007). В газетных публикациях делается акцент на двух последовательных этапах, которые проходит пара: поиск донора и подготовка к зачатию; а также рождение ребенка и короткий период после рождения. Период беременности как самостоятельная стадия обсуждается в связи с программой суррогатного материнства. Для успешного зачатия ребенка и его рождения бездетные супруги вынуждены включать в процедуры специально отобранных доноров генетического материала – анонимных и знакомых. Вокруг каждой из программ, предполагающих различные варианты донорских и других вспомогательных услуг, формируется свое дискурсивное поле, в рамках которого предлагаются способы разрешения неоднозначности создаваемого родства/родительства. Рассмотрим последовательно сюжеты с участием донора спермы, донора яйцеклетки, а также суррогатной матери.

«Невидимый третий»: донорство спермы и отцовство

Донором спермы может быть как знакомый, так и кандидат, выбранный из анонимизированной базы¹. Если донором является муж пациентки – будущий генетический и социальный отец ребенка – его маскулинность ставится под сомнение². В данном случае сама по себе процедура сдачи спермы для последующей прокреации в «пробирке» отделяет сексуальный контакт от зачатия, то есть отстраняет мужчину от участия в «создании» собственного ребенка. Эта ситуация может стать основанием для стигматизации отцов, которым для зачатия требуется посредничество вспомогательных технологий:

Это унижительно для мужчин – осознать, что ты не способен «сделать ребенка» по-нормальному. Сдавать, извините, сперму вместо секса с женой (АиФ (Москва). 13.04.2005).

Следует, однако, отметить и противоположную тенденцию нормализации зачатия с использованием предварительно законсервированной спермы как аспекта новой репродуктивной культуры. Более того, донорство спермы может описываться как рациональный шаг мужчины, заботящегося о продолжении рода: *«Задуматься о сохранении своей спермы стоит и людям опасных профессий – пожарным, военным, милиционерам»* (АиФ. 31.05.2006).

Анализ материалов показывает, что в публикациях преобладают истории об анонимных донорах, так как именно они вносят интригу в дальнейшие коллизии по определению родства. Публикации изобилуют историями об инфантильных, равнодушных, даже агрессивных социальных отцах, подвергающих насилию ребенка, появившегося при помощи донора, пытаясь тем самым компенсировать свою неполноценность. Отсутствие у социального отца генетического родства с ребенком как результат его половой дисфункции ограничивает его способность быть ответственным любящим отцом. Вместе с тем и генетического отца нет рядом, ребенок вряд ли когда-либо встретится с ним. В определенной степени, как это стремятся представить авторы газетных статей, ребенок, появившийся на свет благодаря использованию донорской спермы, и вовсе

¹ Согласно приказу Министерства здравоохранения РФ от 26.02.2003 № 67 «О применении вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) в терапии женского и мужского бесплодия», «для ЭКО применяется специально подготовленная сперма мужа или донора». «Выбор донора осуществляется пациентами добровольно и самостоятельно на основании фенотипического описания» (РГ. 06.05.2003) из базы, предоставленной клиникой.

² Полоролевые стереотипы приписывают мужчинам роль инициаторов, тем самым определяя бесплодных мужчин как бессильных или пассивных и неспособных успешно продемонстрировать «соответствующее маскулинное поведение» [Ragoné, 2004. P. 346], включая отцовские качества. Сюзанн Лундин показывает, что феномен донорства спермы создает новые критерии оценки маскулинности, связанные с сексуальной компетенцией и способностью производить качественный генетический материал [Lundin, 2001. P. 151].

не имеет отца, ни генетического, ни социального. Первый отсутствует фактически, второй – символически.

Можно выделить две стратегии создания отцовства в публикациях, а именно, нормализации участия донора в процессе прокреации. Одна из них фокусируется на генетической и символической важности фигуры донора. Во-первых, он носитель качественного генетического материала, его роль значима в жизни семьи: долгожданный ребенок, который появился на свет, – во многом его заслуга:

...Дети из семенного банка всегда желанны. Мало того, что они наполовину родные, они полностью обеспечены, как говорят медики, здоровым наследственным материалом: ведь в доноры отбирают по всем медицинским показателям здоровых мужчин, да еще всю их родню проверяют вплоть до бабушек и дедушек. Особенное внимание обращается на здоровую психику донора (РГ. 27.09.2002).

Во-вторых, попытки субъективировать «невидимого» донора, описать его не как анонимного производителя спермы, а как воображаемого ответственного отца, позволяют в какой-то степени избежать обезличенности ИИ или ЭКО. Для участников обсуждения важна некая романтическая идея «реального» генетического отца, его фоновое, незримое присутствие в жизни ребенка:

Самому же донору, кроме психологической подготовки в клинике, можно дать и такой совет: проходя мимо мальчика, погладь его по голове. А вдруг это твой сын? (РГ. 16.12.2003).

Генетический отец рассматривается как значимый, главный, к кому нормально испытывать близость, с кем принято чувствовать «кровную связь». Данная идея прослеживается в историях о подростках, которые внезапно узнают об обстоятельствах своего появления на свет и пытаются искать своих «реальных» отцов. Однако подобные сюжеты немногочисленны и интерпретируются как типичные и нормальные для любого тинэйджера, которого могут не удовлетворять отношения с родителями, и куда более интересным казаться общение с другими людьми, нередко воображаемыми.

Другая стратегия нормализации участия донора в появлении ребенка – это стратегия его деперсонализации и девальвации его роли в жизни семьи и ребенка. Для обоснования незначимости генетического отца авторы прибегают к культурным мифам. Проблема идентификации отцовства прослеживается с древних времен и маркируется как общая для всех типов обществ, как обычный эпизод, который всегда мог и может случиться в жизни любой семьи. Таким образом, если отсутствующий генетический отец – это исторически первая устойчивая форма отцовства, то стремление его найти – это бессмысленная рудиментарная практика. Виртуальность и двойственность отцовства в целом оправдывается и нормализуется:

Раньше у людей были такие формы интимной жизни, что отец вообще не устанавливался. Во многих первобытных верованиях непосредственное отцовство было не столь важным, чисто формальным. Поэтому в нашем сознании укоренился миф о «принадлежности не к прямому отцу». Отсюда вся эта сентиментальная литература и мыльные оперы, где якобы потерянный, оставленный ребенок ищет своих родителей (АиФ. 03.02.1999)¹.

Наконец, донор незначим, так как похож на социального отца и фактически замещается последним. Будущие родители выбирают донора, имеющего, судя по описанию в базе, внешнее сходство с потенциальным социальным отцом – мужем пациентки. Так социальное отцовство символически превращается в генетическое, ведь внешнее сходство ребенка с отцом традиционно воспринимается как доказательство их родства.

Итак, отцовство определяется генетически, и фигура донора спермы, исходя из генетически детерминированного взгляда на мир, является ключевой в определении родства с ребенком. Генетическое отцовство «видимо» в ситуации, когда донор известен – это муж или умерший родственник, предусмотрительно сохранивший генетический материал. Если же донор анонимен, то генетическое отцовство так или иначе переформатируется в социальное, «проступает» в нем и символически с ним сосуществует.

Донорство ооцитов и материнство

Пациентки, истории которых описываются в публикациях, предпочитают искать генетическую мать (донора ооцитов) среди знакомых и родственниц – представительниц разных поколений семьи. Привлечение последних в качестве доноров переопределяет родственные отношения и нарушает последовательность межпоколенческой цепочки, как в следующем примере:

Ольге 48 лет. Она второй раз замужем. Муж намного моложе Ольги. Оба хотят ребенка. Но – возраст матери... Необходима донорская клетка, и Ольга привела в Центр планирования семьи и репродукции человека свою двадцатилетнюю дочь, которая согласилась стать донором. Процесс искусственного оплодотворения прошел успешно. Ольга ждет ребенка. Вот только как будет семейство разбираться в родственных отношениях: кто мать, кто сестра малыша? Но, может, это и не важно? Важно, что человек родится (РГ. 09.01.1998).

Положительный результат процедуры нормализует ситуацию: «главное, что ребенок родился». Семье предоставляется частное право самой

---

¹ В публикациях встречаются аналогичные попытки нормализовать фрагментацию материнства через обращение к историческим или мифологическим примерам: «Авраам и Сара – первая известная нам бесплодная пара. Первого ребенка для этих супругов выносила Агарь, служанка Сары» (РГ (Москва). 08.12.2006).

разобраться в новой конфигурации родственных связей. В ситуации донорства ооцитов единственно значимой признается связь ребенка с биологической матерью. Процесс вынашивания становится определяющим в идентификации материнства:

Будущая мама получает чужую яйцеклетку, оплодотворенную спермой ее мужа. Хотя генетически ребенок получается ей неродной, но как-никак девять месяцев она сама будет его вынашивать (АиФ. 19.03.1997).

Таким образом, акцент на биологической связи с ребенком как более существенной по сравнению с менее *очевидной* генетической является в данном случае средством натурализации донорства яйцеклетки. В публикациях непременно подчеркивается брачный статус биологической матери и генетическое родство новорожденного с ее мужем. Тем самым заимствование «чужой» яйцеклетки фактически вытесняется из обычного сценария рождения ребенка у брачной пары.

Классическое суррогатное материнство: между коммодификацией и альтруизмом

В современных социальных исследованиях принято выделять две концепции суррогатного материнства. Так, Мелисса Лейн противопоставляет «контрактное» суррогатное материнство и суррогатное материнство как «подарок», когда родственницы, подруги или знакомые оказывают данную услугу безвозмездно [Lane, 2003. P. 121; см. также: Ragoné, 2003; Blyth, Potter, 2003]. Следуя той же логике, Том Фрейм разводит «альтруистическое» и «коммерческое» суррогатное материнство. Первое основано на долговременных личных отношениях, любви и привязанности суррогатной матери к бездетной паре (или супруге), во втором случае мотивация суррогатной матери строится исключительно на коммерческом интересе [Frame, 2008. P. 149–167]. Лексика, с помощью которой описываются новые разновидности материнства в нашем материале, также создает это разделение: «вторая мама», оказывающая помощь из соображений альтруизма, *versus* «мама напрокат», действующая как рыночный агент.

Основные потребители программы «суррогатного материнства» в нашем материале – «бесплодные супружеские пары». Случаи обращения незамужних женщин к возможностям суррогатного материнства описываются в газетах как исключительные, к этим эпизодам я вернусь в следующем разделе статьи¹. История пары, выбравшей данную программу, как правило,

¹ Услугами суррогатных матерей могут воспользоваться не только официально зарегистрированные супружеские пары. Статья 35 «Искусственное оплодотворение и имплантация эмбриона» Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан от 22.06.1993 № 5487-1 закрепляет право женщины, не состоящей в браке, прибегнуть к любым формам репродуктивных технологий.

начинается с поиска суррогатной матери. Кандидаты должны быть в возрасте от 25 до 35 лет и иметь собственных здоровых детей. Однако личные качества суррогатной матери не ограничиваются психическим, соматическим здоровьем и физиологической способностью выносить и родить здорового ребенка. Она должна подойти паре по ряду других критериев, самый важный из которых – ее способность к эмпатии, сопереживанию супругам, оказавшимся в сложной ситуации. Если суррогатная мать является родственницей одного из партнеров, она, согласно публикациям, априори движима желанием безвозмездно помочь бездетной семье. Однако и в том случае, когда этой связи нет, суррогатная мать должна вызывать симпатию и доверие супругов (например, АиФ (Москва). 25.02.2004).

Эмоциональная близость и взаимопонимание между социальной и биологической матерями нормализуют фрагментацию материнства, однако генетическая связь социальной матери с ребенком признается единственно значимой:

Татьяна <...> готовится стать матерью, причем сразу «двойняшек». Как показывает УЗИ – мальчика и девочки, которых для нее вынашивает другая женщина – Ольга.

– А вас не смущает, что эти дети не совсем «ваши»? – спрашиваю у Татьяны.

– Как это «не мои»? Ведь они же из моих клеток! (РГ. 08.06.2002).

Услуга суррогатной матери, заключающаяся в вынашивании и рождении ребенка, интерпретируется исследователями как «реальная материнская (mothering) работа, которую выполняет рожающая мать» [Lane, 2003. P. 125]. Концепция работы, по сути, ее марксистская трактовка, востребована и в анализируемых газетных материалах. Супруги снабжают суррогатную мать генетическим материалом («мои клетки», «наши эмбрионы»), из которых она берется создать «готовый продукт», впоследствии отчуждаясь от него:

Надо понимать, что женщина в этом случае [суррогатного материнства] выступает в роли инкубатора: яйцеклетка – мамина, сперматозоид – папин... Она лишь вынашивает генетически чужого ребенка (РГ. 26.01.2009).

Из цитаты следует, что обезличивается и механицируется не только работа суррогатной матери, но и она сама. Родственная связь между суррогатной матерью и ребенком как плодом, а также ее близость с супругами кратковременна: «мама на девять месяцев» (РГ (Москва). 08.12.2006). Затем ребенок отчуждается от родившей его матери. Суррогатная мать – существо нетелесной, техницистской природы и не может быть вписана в семейную структуру родства.

Итак, суррогатное материнство нормализуется, во-первых, через эмоциональную близость и симпатию сторон как дар или жертва суррогатной

матери ради создания семьи с ребенком. Во-вторых, в текстах публикаций настойчиво разрывается родственная связь суррогатной матери и новорожденного. Анализ материалов показывает, что статус и значение суррогатной матери меняется в процессе прохождения программы. Из эмоционально близкого и ценного существа, способного зачать и выносить здорового ребенка, так необходимого супружеской паре, она постепенно превращается в обезличенный механизм, выращивающий ребенка из «чужих» клеток, а затем и вовсе выводится за пределы семьи, состоящей из мамы, папы и ребенка. Если сосуществование двух отцов, социального и генетического, в жизни ребенка фактически нормализуется при помощи различных стратегий, то наличие двух матерей строго ограничивается периодом беременности.

Определяющим для материнства становится тот модус родства, который свяжет новорожденного с социальной матерью. В случае донорства яйцеклетки семья отдает приоритет биологическому материнству (вынашиванию и родам), в случае классического суррогатного материнства – генетическому. Дальнейшие отношения супругов с ребенком «нормализует» порядок закона.

Родство после родов: ВРТ и (семейное) законодательство

Применение ВРТ предполагает двухуровневую институциональную поддержку процесса и результата деторождения. Сначала она обеспечивается средствами высокотехнологичной медицины, затем рамками законодательства [Strathern, 1992. Р. 20]. После успешных родов, когда все доноры «уходят в тень», особенно значимым для легитимации родства становится «порядок закона», применение которого зависит от конкретной процедуры ВРТ.

Регистрация детей, появившихся благодаря ИИ, ЭКО и донорства ооцитов, в целом не отличается от общепринятой, и в этом смысле рутинизирована. Правовые аспекты суррогатного материнства определены Семейным кодексом РФ (29.12.1995 № 223-ФЗ). Ребенок, рожденный благодаря этой программе, законодательно связывается в равной степени и с матерью, и с отцом¹: «лица, состоящие в браке между собой

¹ Семейный кодекс РФ (от 29.12.1995). Разд. IV. Гл. X. Ст. 51. Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» (15.11.1997 № 143-ФЗ) прямо требует при государственной регистрации ребенка, рожденного суррогатной матерью, нескольких обязательных документов. Одновременно со справкой о рождении ребенка необходимо предъявить документ, выданный медицинской организацией, который подтверждает согласие суррогатной матери на запись супругов родителями ребенка. Согласно статье 16 Закона «Об актах гражданского состояния», заявление о рождении ребенка должно быть сделано не позднее чем через месяц после его появления на свет. В течение этого срока суррогатная мать дает согласие. Письменное согласие суррогатной матери должно быть заверено в медицинском учреждении, обычно в роддоме.

и давшие свое согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери)». Однако право определять судьбу ребенка фактически предоставлено суррогатной матери. В случае если она выразит желание оставить ребенка себе, приоритет ее права как биологической матери защищается законом.

Регистрация ребенка, рожденного с помощью программы «суррогатное материнство», может стать более затруднительной, если ею воспользовалась одинокая женщина. Несмотря на то, что в последние два-три года подобных примеров приводится в публикациях все больше, они по-прежнему попадают в разряд «юридических казусов» (см. РГ (Кубань-Кавказ). 08.07.2008).

Юристы, работающие с судебными делами по ВРТ, обнаруживают очевидное несоответствие законодательства и его исполнения:

Клиники обычно ссылаются на 67-й приказ Минздрава РФ, который не имеет к делу никакого отношения и не регулирует никакие правовые вопросы, связанные с применением репродуктивных технологий¹, а ЗАГСы ошибочно применяют частную норму Семейного кодекса, описывающую случай регистрации «суррогатного» ребенка у супружеской пары, как общую (РГ (Москва). 12.01.2010).

По мнению юристов, права женщин в данном случае дискриминируют не законы, а институты, представители которых неверно трактуют законодательство. Любая женщина обладает конституционным правом на рождение собственного ребенка, из чего следует право одинокой женщины прибегнуть и к услугам суррогатной матери. В свою очередь, работники ЗАГСов аргументируют отклонение заявок на регистрацию тем, что обязаны выполнять бюрократические правила, признавая при этом, что они не соответствуют ни моральным требованиям, ни правовым ожиданиям граждан. Как правило, все оппоненты сходятся в одном: законодательство неадекватно современным реалиям – необходимо лишить суррогатную мать права оставлять рожденного ребенка себе, сделать официально доступной процедуру парам, не состоящим в зарегистрированном браке, одиноким женщинам.

Посмертная вспомогательная репродукция (posthumous conception), или использование спермы умершего мужчины для зачатия ребенка, также поднимает в публичном дискурсе ряд этических и правовых проблем [см.: Simpson, 2001; Frame, 2008. P. 168–182]. В середине 1990-х годов в России этот способ применения ВРТ нередко шокировал и вызывал дебаты как нарушающий социальный порядок. Вероятно, поэтому примеры посмертной

¹ В Приказе Минздрава РФ от 26.02.2003 № 67 «О применении вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) в терапии женского и мужского бесплодия» супружеская пара фигурирует как потенциальный участник программы «суррогатное материнство», однако никаких прямых упоминаний о запрете этой программы для одиноких женщин не встречается.

репродукции как некой причуды чаще приводились из зарубежной практики (см. например РГ Москва. 04.10.1996).

Уже десятилетие спустя «зачатие после смерти», нормализованное в российской биомедицинской практике, начинает восприниматься как социально приемлемое и необходимое, а дискуссии о нем перемещаются из сферы морали в сферу права. Пример тому – следующая история, за развитием которой несколько месяцев следили читатели «Российской газеты». В ней рассказывалось о том, как одной из жительниц Екатеринбургa удалось сохранить сперму своего девятнадцатилетнего сына незадолго до его смерти, а затем нанять суррогатную мать, которая выносила и родила ребенка, генетически связанного с умершим. В дальнейшем бабушку ждали неподвиженные проблемы с законом:

Отправившись через две недели в ближайший ЗАГС получать на мальчика документ, удостоверяющий его существование, Екатерина Германовна с удивлением узнала, что по закону такой ребенок существовать не может. Если папа мертв – его нельзя вносить в свидетельство о рождении. Не предусмотрено у нас по закону, что могут появиться на свет дети от давно ушедших из жизни людей. Не предусмотрено, и что вынашивать плод может абсолютно чужая женщина. Дескать, кто родил – тот и мать, а уж суррогатная – не суррогатная чиновников не интересуется. Вот и оказался Гоша для чиновников чужим среди своих: ни законной фамилии, ни законного папы, ни законной бабушки (РГ (Москва). 27.01.2006).

Посмертная вспомогательная репродукция создает нестандартную постмодернистскую концепцию родства и требует законодательных инноваций, которые не под силу даже самым гибким правовым системам. Как отмечает К. Томпсон, в случае ВРТ «технологические изменения идут рука об руку с культурным консерватизмом» [Thompson, 2005. P. 178].

Пока же в спорных случаях на выручку приходят институты опекунов и усыновления, которые помогли и Екатерине Германовне узаконить родственные отношения с новорожденным внуком.

Биотехнологии продуцируют разнообразные родственные связи. Некоторые программы предполагают безболезненную конвертацию биогенетического родства с донорами в социальное родство с родителями-супругами. В других случаях родство, созданное ВРТ, признается «нестандартным» и не вписывается в законодательные рамки. Компромисс в виде усыновления устраивает не всех, так как эта процедура указывает на отсутствие биологического родства между родителями и ребенком. Между тем в процессе прохождения программ супруги или индивидуальные участники уже нашли удобные им способы обоснования этого родства, и они не всегда хотят быть всего лишь усыновителями.

Заключение

Принято считать, что один из социальных эффектов репродуктивных технологий – это «разрывание» родственных цепочек, «нарушение» когерентности, согласованности модусов родства внутри «идеальной» семьи. Действительно, принимая во внимание участие в процедурах доноров и суррогатных матерей, биомедицина в значительной степени ставит под вопрос очевидность привычных родственных связей. Современный язык начинает обогащаться новыми терминами родства, актуальными в век высоких технологий: «биомать», «биоотец», «вторая мать», «социальный отец», «генетические родители».

Вместе с тем анализ наших данных показывает, что «вспомогательное» родство, созданное ВРТ, ситуативно и временно. «Помощники» бездетной пары включаются в дискурс настолько, насколько это не препятствует воспроизводству концепции нормативной нуклеарной семьи: донор спермы замещается социальным отцом, суррогатная мать отчуждает ребенка в пользу социальной матери. Значимой является генетическая связь ребенка хотя бы с одним из родителей. Ценность этой связи настолько высока, что даже социально одобряемая модель семьи с усыновленными/удочеренными детьми не выдерживает конкуренции с семьей, получившей поддержку биомедицины. Родство ребенка с родителем, клетки которого были заменены клетками донора, «достраивается» с помощью различных способов нормализации искусственной прокреации. Временно фрагментированные, распределенные между разными участниками процедур и отцовство, и материнство снова обретают целостность и воплощаются в брачной паре, некогда пришедшей в клинику. Другие участники процесса зачатия, кроме социальных родителей, исчезают из обсуждения, значимость их роли минимизируется или замалчивается. Разновидности «вспомогательного» родства обретают формы метафор. Как отмечает Стратерн, «“диверсификация” родства не обязательно ведет к “увеличению” количества родственников. <...> не все биологические отношения могут активизироваться в качестве социальных» [Strathern, 1995. P. 353].

Можно было бы предположить, что биомедицина окажется полем общественно и законодательно признаваемой диверсификации семейных ролей и родственных связей. Однако такое ожидание пока оказывается неоправданным, поскольку публичное обсуждение этих вопросов в официальной прессе лишь усиливает статус нормативной концепции нуклеарной семьи с генетически родными детьми. На мой взгляд, подобные репрезентации вписываются в государственно декларируемую модель¹ «благополучной молодой семьи», которой надлежит осуществлять «свою жизнедеятель-

¹ См. Концепцию государственной политики в отношении молодой семьи, МинОбраз РФ, 2007. // <http://old.mon.gov.ru/work/vosp/dok/3697/>

ность в зарегистрированном браке» и быть ориентированной «на рождение двух или более детей» для обеспечения «расширенного воспроизводства населения по данному региону».

Таким образом, в настоящее время развитие ВРТ в России идет рука об руку не только с культурным консерватизмом, воспроизводящим генетический взгляд на родство, но также и с консерватизмом институциональным, правовым и политическим. Эти жесткие структуры практически не позволяют создавать семью с ребенком «из пробирки» без умолчаний, стигматизаций, оправданий, а иногда и судебных разбирательств. Данные структурные ограничения не оставляют возможности признания «другой» семьи с особенной историей и определенным набором потребностей. В той же рамке оказываются и другие постмодернистские формы семьи и родительства, например, семьи с одним или несколькими родителями, отложенное родительство, добровольно бездетные семьи (childfree), гомосексуальные пары с детьми. Их существование в лучшем случае публично замалчивается, в худшем – номинируется как социально неприемлемое или даже преступное.

Список источников

- Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.
- Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-традиция, 2000.
- Бредникова О., Нартова Н. Нарушая молчание: дискриминация женщин в пространстве Новых репродуктивных технологий (НРТ) // Современная женщина, семья, демография. Актуальные исследования / под ред. О. Здравомысловой. М.: Звенья, 2007. С. 156–180.
- Русанова Н., Исупова О. Вспомогательные репродуктивные технологии – фактор повышения рождаемости и компонент инновационного развития // Инновационное развитие экономики России: ресурсное обеспечение / под ред. В.П. Колесова и Л.А. Тутова. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2009. Т. 3. С. 732–741 // <http://demoscope.ru/weekly/2010/0409/analit04.php>
- Филлипс Л., Йоргенсен М. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2004.
- Blyth E., Potter C. Paying for It? Surrogacy, Market Forces and Assisted Conception // Surrogate Motherhood: International Perspectives / ed. by R. Cook, Sh. Sclater and F. Kaganas. Oxford and Portland, Oregon: HARTS Publishing, 2003. P. 227–242.
- Carsten J. After Kinship. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Cussins Ch. Producing Reproduction: Techniques of Normalization and Naturalization in Infertility Clinics // Reproducing Reproduction. Kinship, Power, and Technological Innovation / ed. by S. Franklin and H. Ragoné. Philadelphia, Pennsylvania: University of Pennsylvania Press, 1998. P. 66–101.
- Foucault M. Two Lectures // Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972–1977 / ed. by C. Gordon. New York: Pantheon Books, 1980. P. 78–108.
- Frame T. Children on Demand: The Ethics of Defying Nature. Sydney: New South, 2008.
- Franklin S. Making Representations: the Parliamentary Debate on the Human Fertilisation and Embryology Act // Technologies of Procreation: Kinship in the Age

of Assisted Conception / ed. by J. Edwards et al. London and New York: Routledge, 1999. P. 127–165.

Giddens A. The Transformation of Intimacy. Sexuality, Love and Erotism in Modern Societies. Cambridge: Polity Press, 1992.

Lane M. Ethical Issues in Surrogacy Arrangements // Surrogate Motherhood: International Perspectives / ed. by R. Cook, S. Day-Sclater and F. Kaganas. Oxford and Portland, Oregon: HARTS Publishing, 2003. P. 121–139.

Lundin S. The Threatened Sperm: Parenthood in the Age of Biomedicine // New Directions in Anthropological Kinship / ed. by L. Stone. Lanham: Rowman and Littlefield, 2001. P. 139–155.

New Directions in Anthropological Kinship / ed. by L. Stone. Lanham: Rowman and Littlefield, 2001.

Ragoné H. Chasing the Blood Tie. Surrogate Mothers, Adoptive Mothers, and Fathers // American Ethnologist. 1996. Vol. 23. № 2. P. 352–365.

Ragoné H. Of Likeness and Difference. How Race Is Being Transfigured by Gestational Surrogacy, in Ideologies and Technologies of Motherhood. Race, Class, Sexuality, Nationalism / ed. by H. Ragoné and F. Twine. New York, London: Routledge, 2000. P. 56–75.

Ragoné H. Surrogate Motherhood and American Kinship // Kinship and Family: An Anthropological Reader / ed. by R. Parkin and L. Stone. Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2004. P. 342–361.

Ragoné H. The Gift of Life: Surrogate Motherhood, Gamete Donation and Construction of Altruism // Surrogate Motherhood: International Perspectives / ed. by R. Cook, Sh. Sclater and F. Kaganas. Oxford and Portland, Oregon: HARTS Publishing, 2003. P. 209–226.

Schneider D. A Critique of the Study of Kinship. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1984.

Schneider D. American Kinship: A Cultural Account. Englewood Cliffs, New York, Prentice-Hall, 1968.

Schneider D. What Is Kinship All About? // Kinship Studies in the Morgan Centennial Year / ed. by P. Reining. Washington: Society of Anthropology, 1972. P. 32–63.

Simpson B. Making "Bad" Deaths "Good": The Kinship Consequences of Posthumous Conception // The Journal of the Royal Anthropological Institute. 2001. Vol. 7. № 1. P. 1–18.

Snowden R. et al. Artificial Reproduction. London: Allen and Unwin, 1983.

Stone L. Kinship and Gender. An Introduction. Boulder, Colorado and Oxford: Westview Press, 2000.

Strathern M. Displacing Knowledge: Technology and the Consequences for Kinship // Conceiving the New World Order / ed. by G. Faye and R. Rapp. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1995. P. 346–363.

Strathern M. Reproducing the Future. Essays on Anthropology, Kinship and the Assisted Reproductive Technologies. New York: Routledge, 1992.

Technologies of Procreation: Kinship in the Age of Assisted Conception / ed. by J. Edwards et al. New York: Routledge, 1999.

Thompson Ch. Making Parents. The Ontological Choreography of Reproductive Technologies. Cambridge, London: The MIT Press, 2005.

References (Cyrillic letters are transliterated)

- Bauman Z.* Individualizirovannoye obshchestvo. M.: Logos, 2002.
- Bek U.* Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu. M.: Progress-traditsiya, 2000.
- Brednikova O., Nartova N.* Narushaya molchaniye: diskriminatsiya zhenshchin v prostranstve Novykh reproductivnykh tekhnologiy (NRT) // *Sovremennaya zhenshchina, semya, demografiya. Aktualnyye issledovaniya* / pod red. O. Zdravomyslovoy. M.: Zvenya, 2007. S. 156–180.
- Rusanova N., Isupova O.* Vspomogatelnyye reproductivnyye tekhnologii – faktor povysheniya rozhdayemosti i komponent innovatsionnogo razvitiya // *Innovatsionnoye razvitiye ekonomiki Rossii: resursnoye obespecheniye* / pod red. V. P. Kolesova i L. A. Tutova. M.: Ekonomicheskii fakultet MGU, TEIS, 2009. T. 3. S. 732–741 // <http://demoscope.ru/weekly/2010/0409/analit04.php>
- Filips L., Yorgensen M.* Diskurs-analiz. Teoriya i metod. Kharkov: Izd-vo «Gumanitarnyy tsentr», 2004.
- Blyth E., Potter C.* Paying for It? Surrogacy, Market Forces and Assisted Conception // *Surrogate Motherhood: International Perspectives* / ed. by R. Cook, Sh. Sclater and F. Kaganas. Oxford and Portland, Oregon: HARTS Publishing, 2003. P. 227–242.
- Carsten J.* After Kinship. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Cussins Ch.* Producing Reproduction: Techniques of Normalization and Naturalization in Infertility Clinics // *Reproducing Reproduction. Kinship, Power, and Technological Innovation* / ed. by S. Franklin and H. Ragoné. Philadelphia, Pennsylvania: University of Pennsylvania Press, 1998. P. 66–101.
- Foucault M.* Two Lectures // *Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972–1977* / ed. by C. Gordon. New York: Pantheon Books, 1980. P. 78–108.
- Frame T.* Children on Demand: The Ethics of Defying Nature. Sydney: New South, 2008.
- Franklin S.* Making Representations: the Parliamentary Debate on the Human Fertilisation and Embryology Act // *Technologies of Procreation: Kinship in the Age of Assisted Conception* / ed. by J. Edwards et al. London and New York: Routledge, 1999. P. 127–165.
- Giddens A.* The Transformation of Intimacy. Sexuality, Love and Erotism in Modern Societies. Cambridge: Polity Press, 1992.
- Lane M.* Ethical Issues in Surrogacy Arrangements // *Surrogate Motherhood: International Perspectives* / ed. by R. Cook, S. Day-Sclater and F. Kaganas. Oxford and Portland, Oregon: HARTS Publishing, 2003. P. 121–139.
- Lundin S.* The Threatened Sperm: Parenthood in the Age of Biomedicine // *New Directions in Anthropological Kinship* / ed. by L. Stone. Lanham: Rowman and Littlefield, 2001. P. 139–155.
- New Directions in Anthropological Kinship* / ed. by L. Stone. Lanham: Rowman and Littlefield, 2001.
- Ragoné H.* Chasing the Blood Tie. Surrogate Mothers, Adoptive Mothers, and Fathers // *American Ethnologist*. 1996. Vol. 23. № 2. P. 352–365.
- Ragoné H.* Of Likeness and Difference. How Race Is Being Transfigured by Gestational Surrogacy, in Ideologies and Technologies of Motherhood. Race, Class, Sexuality, Nationalism / ed. by H. Ragoné and F. Twine. New York, London: Routledge, 2000. P. 56–75.

- Ragoné H.* Surrogate Motherhood and American Kinship // Kinship and Family: An Anthropological Reader / ed. by R. Parkin and L. Stone. Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2004. P. 342–361.
- Ragoné H.* The Gift of Life: Surrogate Motherhood, Gamete Donation and Construction of Altruism // Surrogate Motherhood: International Perspectives / ed. by R. Cook, Sh. Sclater and F. Kaganas. Oxford and Portland, Oregon: HARTS Publishing, 2003. P. 209–226.
- Schneider D.* A Critique of the Study of Kinship. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1984.
- Schneider D.* American Kinship: A Cultural Account. Englewood Cliffs, New York, Prentice-Hall, 1968.
- Schneider D.* What Is Kinship All About? // Kinship Studies in the Morgan Centennial Year / ed. by P. Reining. Washington: Society of Anthropology, 1972. P. 32–63.
- Simpson B.* Making "Bad" Deaths "Good": The Kinship Consequences of Posthumous Conception // The Journal of the Royal Anthropological Institute. 2001. Vol. 7. № 1. P. 1–18.
- Snowden R.* et al. Artificial Reproduction. London: Allen and Unwin, 1983.
- Stone L.* Kinship and Gender. An Introduction. Boulder, Colorado and Oxford: Westview Press, 2000.
- Strathern M.* Displacing Knowledge: Technology and the Consequences for Kinship // Conceiving the New World Order / ed. by G. Faye and R. Rapp. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1995. P. 346–363.
- Strathern M.* Reproducing the Future. Essays on Anthropology, Kinship and the Assisted Reproductive Technologies. New York: Routledge, 1992.
- Technologies of Procreation: Kinship in the Age of Assisted Conception* / ed. by J. Edwards et al. New York: Routledge, 1999.
- Thompson Ch.* Making Parents. The Ontological Choreography of Reproductive Technologies. Cambridge, London: The MIT Press, 2005.

Ткач Ольга Александровна – кандидат социологических наук,
научный сотрудник Центра независимых
социологических исследований, Санкт-Петербург,
электронная почта: tkach@cisr.ru

Olga A. Tkach – Candidate of Sociology, research fellow of Center of Independent
Sociological Research, St. Petersburg,
e-mail: tkach@cisr.ru
